

АНГЕЛ С ЧЕРНЫМ КРЫЛОМ

Аманда
Скенандор

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
С42

Amanda Skenandore
THE NURSE'S SECRET
Copyright © Amanda Skenandore, 2022
All rights reserved

Издательство выражает благодарность литературному агентству
Andrew Numberg за содействие в приобретении прав.

Перевод с английского Анны Нефедовой
Серийное оформление и оформление обложки Александра Андрейчука
Иллюстрация на обложке Дины Климовицкой

Скенандор А.

С42 Ангел с черным крылом : роман / Аманда Скенандор ;
пер. с англ. А. Нефедовой. — М. : Иностранка, Азбука-Атти-
кус, 2025. — 448 с. — (Сквозь стекло).

ISBN 978-5-389-27079-4

Действие романа начинается в 1880-е годы в трущобах Нью-Йорка, где человек человеку — волк и где нет места состраданию, честности и христианской морали. Уна Келли — воровка и мошенница и не знает других способов выживания в этом жестоком мире, кроме неуклонного следования собственному своду правил. Когда Уну ложно обвиняют в убийстве, ей удается скрыться и под чужим именем устроиться в недавно открывшуюся школу медсестер при больнице Бельвью, основанную на принципах Флоренс Найтингейл. Она вовсе не собирается учиться, ей просто нужно залечь на дно и спрятаться от полиции. Однако по мере работы в больнице характер Уны меняется, и она открывает в себе способность к состраданию и даже самопожертвованию.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-27079-4

© А. А. Нефедова, перевод, 2024
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

Глава 1

Нью-Йорк, 1883

Прибыло сразу несколько поездов, и непрерывный поток пассажиров — серый и вязкий — потек по перронам подобно сточным водам, устремляющимся в канализацию. Здание вокзала наполнила какофония людских голосов, усиленная многократным эхом и перемежаемая скрежетом металла и шипением пара. Дневной свет, проникавший через стеклянную крышу, не без труда, но все-таки выигрывал битву с клубами едкого черного дыма и порывами ветра, что норовил зашвырнуть на перроны как можно больше колючего снега. Тем не менее Уна предпочитала стоять в тени. Она спряталась за одной из тех гигантских причудливо разукрашенных ферм, что поддерживали стеклянную крышу, и вглядывалась оттуда в лица прибывших. Она смотрела на них и ждала.

Первыми всегда выходили толстосумы — банкиры, торговцы акциями, нефтяные магнаты и заводчики. Они шли торопливо, но с гордо поднятыми головами, словно по фойе собственной усадьбы. Лица их были полны решимости, и одновременно на них читалось явное раздражение по отношению ко всему прочему «сброду», суеящемся вокруг них. «Время — деньги!» — это девиз всей жизни таких людей. Торопливость и высокомерие делали их легкой добычей — если, конечно, готова терпеть их парфюм и заносчивость. Но нет, не сегодня.

Сразу за этими почтенными бизнесменами шла публика попроще. Усталого вида женщины с цепляющимися

за юбки и испуганно озирающимися детьми. Напыщенные дебютантки и носильщики, сгорбленные под тяжестью их багажа. Коммивояжеры со своими товарами в кожаных чемоданчиках.

А за ними и фермеры с кудахтающими в клетках курами, гогочущими гусями и скромными пожитками: смена белья, недоеденная краюха хлеба да потрепанная Библия с заложным между страниц адресом дальних родственников. Уну они не интересовали. Никто из них не стоил ее драгоценного времени.

Но вот наконец и он. Тот самый мужчина, которого ждала Уна. Одет аккуратно, но без щегольства. Румяный, в расцвете сил. Явно со Среднего Запада. Штат Индиана? Огайо? Иллинойс? Не важно. Лишь бы не Нью-Йорк. Судя по тому, как растерянно он вертит головой по сторонам, — впервые в городе.

Уна еще раз поправила шляпку и слегка покусала губы, чтобы были поярче. Она открыла замок саквояжа, сжав его посильнее, чтобы не раскрылся раньше времени.

Мужчина неуверенно тащился по платформе, пока не увидел указатель на 42-ю улицу. Тут он слегка улыбнулся и ускорил шаг. Уна стала пробиваться к нему через толпу. Когда он опять поднял голову — на этот раз чтобы посмотреть на огромные часы на башне, видневшейся у дальнего края платформы, — Уна шагнула ему наперерез. И он, естественно, столкнулся с ней. Уна слегка вскрикнула, уронила саквояж, и его содержимое высыпалось под ноги ей и мужчине.

— О, мисс, мне так неловко, простите! — рассыпался он в извинениях.

— Что вы, что вы! Это я сама виновата... Я тут немного растерялась...

— И я тоже, если честно. Впервые на таком огромном вокзале...

Уна присела на корточки и начала торопливо собирать свою одежду, не преминув, однако, вскользь улыбнуться ему, когда он склонился рядом. От его честерфилда¹ исходил тонкий запах табака.

— Самый большой вокзал в мире, — прошептала Уна. — По крайней мере, мне так говорили...

Он подал ей шляпку с лентой и шерстяную шаль. Она аккуратно сложила вещи и убрала в саквояж.

— Не беспокойтесь, прошу вас!

— Позвольте... — С этими словами он протянул руку к следующему предмету туалета — и залился краской.

Уна быстро выхватила у него из рук шелковую сорочку, еще несколько раз коснувшись кружевами его обтянутых перчатками пальцев. В знак смущения она опустила голову, спрятав лицо за полями шляпки.

— Я... э-э-э... — Он неловко заерзал на корточках, пачкая полы пальто о грязный пол.

Уна тем временем подобрала последний предмет своего туалета, убрала в саквояж и защелкнула замочек.

— Спасибо вам! — улыбнулась она и резко встала.

Он тоже поднялся.

— Еще раз простите меня! — Он отряхнул пальто и глянул на часы. — Позвольте проводить вас до кеба?

Уна еще раз взглянула на его простое честное лицо и ответила скромной улыбкой.

— Благодарю вас, но я не приехала, а уезжаю...

— О...

— Да, сэр! Я возвращаюсь домой в штат Мэн. Приезжала ненадолго, навестить больную подругу.

¹ Честерфилд — однобортное или двубортное мужское пальто прямого покроя, зачастую с бархатным воротником. (*Здесь и далее прим. перев.*)

— Ясно, — растерянно и явно расстроено ответил он.

— Что ж, спасибо еще раз! — проворковала Уна, сделав небольшой реверанс.

И она тут же заспешила в сторону поездов, поданных под посадку. Она дошла почти до самого конца платформы, где быстро скользнула в шумный и душный зал ожидания. Уна забилась в уголок и огляделась. Полицейский в дальнем углу зала едва отбивался от пожилого мужчины, размахивавшего расписанием поездов. Уна ухмыльнулась и открыла саквояж. В шерстяную шаль был аккуратно завернут портсигар мужчины в честерфилде. На первый взгляд настоящее серебро, и с витиеватым филигранным орнаментом. С тыльной стороны выгравированы инициалы «Дж. У. К.». Это несложно удалить. Если, конечно, Марм Блэй¹ не пожелает отправить портсигар на переплавку.

Повертев портсигар в руках еще пару секунд, Уна спрятала его в карман между складками юбки. Стянуть портсигар, пока мужчина суетился над ее рассыпавшейся одеждой, было проще простого. Увесистый и довольно большой, он чуть не вывалился ей на голову, когда незнакомец склонил-

¹ Прототипом данного персонажа, возможно, послужила реальная личность: Фредерика Мандельбаум, прославившаяся в Нью-Йорке под именем Марм Мандельбаум или просто «Мама». Марм приехала в Нью-Йорк из Пруссии в 1848 году, а уже в 1865 открыла на Клинтон-стрит магазин, ставший прикрытием для ее основной деятельности: скупки и перепродажи краденого. Она сколотила банду из мелких воришек, а позже даже открыла свою школу для преступников, где обучала детей-сирот азам преступной деятельности. Школа эта просуществовала с 1870 по 1876 год. Однако в 1884 году сотрудники детективного агентства «Пинкер-тон» поймали ее с поличным при покупке меченого краденого шелка, чем положили конец ее преступной деятельности. Перед самым судом ей удалось бежать в Канаду, прихватив с собой миллион долларов наличными и внушительное количество бриллиантов. Умерла в 1894 году и похоронена на кладбище в Нью-Йорке.

ся над Уной, чтобы помочь ей собрать вещи. Запустить руки во внутренние карманы его пальто — вот это уже несколько сложнее. Но тут ей на помощь, как всегда, пришла шелковая сорочка. Пока мужчина смущенно извинялся, Уна сунула руку во внутренний карман пальто, в два счета облегчив бумажник на несколько банкнот и два доллара серебром.

Уна закрыла саквояж и поспешила из зала ожидания на Вандербилт-авеню. На улице довольно солнечно, но этим лучам ни за что не прогреть промозглый воздух января. На Центральный вокзал приходят поезда четырех компаний, и у каждой своя камера хранения и свой зал ожидания. В руке Уны целая пачка поддельных билетов на самые разные поезда, чтобы свободно переходить из одного зала ожидания в другой и выходить на любую платформу, когда заблагорассудится.

За сутки здесь проходит более сотни поездов, и среди пассажиров каждого непременно найдутся такие вот прощачки. Обчищать их карманы не так уж сложно. Ведь Уна уже успела наловчиться. Она никогда подолгу нигде не задерживается. Не появляется в одном и том же зале ожидания больше раза в день. И берет только то, что можно быстро и надежно спрятать. Как и у любого вора, у нее есть свои правила, которых она не нарушает никогда.

У мистера Дж. У. К. были часы на серебряной цепочке, а в бумажнике еще не меньше десятка банкнот. Но Уна не тронула их. И вовсе не из сострадания. Просто чем больше украсть у человека, тем выше вероятность, что он заметит пропажу прежде, чем покинет здание вокзала. Уна возвращалась под вечер не с самыми тугими карманами, зато никогда не попадалась. Ну, или почти никогда. Чтобы выйти под залог, требовались деньги, а Марм Блэй вела скрупулезный учет.

В животе Уны снова заурчало. В цокольном этаже вокзала есть ресторан для женщин, но Уна почти никогда не ест во время работы. Ведь надо быть готовой в любой момент броситься наутек, а живот, полный устричного рагу или тушеной капусты с ветчиной, заметно мешает во время бега.

В цокольном этаже можно не только вкусно поесть, но еще и хорошо поработать. Надушенные молодые люди на выходе из парикмахерской, спешащие в туалет леди, бегущие на работу машинисты поездов и проводники... И Уна решила совершить еще один заход перед тем, как отправиться домой.

Она снова зашла в здание вокзала через другой зал ожидания. Направляясь к лестнице, ведущей вниз, она заметила весьма бедно одетого мальчишку: потрепанные штаны, пальто в грязных и жирных пятнах и не менее грязная кепка. Уна закатила глаза, увидев, как оборванец приблизился вплотную к одетому с иголки мужчине в высоком цилиндре. «Только не это, желторотик!» — пронеслось в голове у Уны. Мальчишка быстро огляделся и потянулся к карману пальто лощеного господина. Уна задержалась на лестничной клетке, хотя и понимала, что через пару секунд сюда отовсюду сбегутся копы. «Не надо!» — мысленно кричала Уна.

Она тоже была когда-то такой же юной. И такой же глупой. Просто чудо, что ей удалось избежать исправительной колонии для несовершеннолетних.

Тем временем мальчишке удалось запустить грязную ручонку в карман пальто мужчины в цилиндре. Уна покачала головой. Неумеха... Уже через секунду он выдернул руку, сжимая в ней золотые часы. Такие стоят не меньше сотни, но воришка получит у скупщика не больше двадцатки. Или еще меньше, если работает на кого-то. Но Уна не могла не

отметить, что мальчишке таки удалось незаметно вытянуть часы из кармана. Значит, не такой уж и неумеха...

Мальчик сделал шагок в сторону, и Уна пошла вниз по лестнице. Она успела спуститься всего на пару ступенек — и тут на весь зал раздалось раскатистое «Вор!» Уна напряглась всем телом, как натянутая струна, готовая сорваться с места. Она оглянулась и увидела, что мужчина крепко держит мальчишку за руку, в которой раскачиваются, поскрипывая, часы на золотой цепочке.

Вот так малолетки и попадают в колонию. А этот такой худющий, что, если не отправят сейчас в колонию, скорее всего, замерзнет где-нибудь на улице. Уна поспешила к мальчишке, пробиваясь сквозь толпу негодующих зевак, и, не успев сама толком опомниться, уже стояла прямо рядом с ним.

Уна зажала саквояж под мышкой и картинно всплеснула руками.

— Вот ты где, негодник! — громко вскрикнула она. — Мать места себе не находит, а он тут на вокзале ошивается! — и, обернувшись к обокраденному мужчине: — Этот негодник вам чем-то помешал?

Глаза мужчины яростно сузились.

— Этот негодник — самый настоящий вор! Он только что вытащил у меня часы!

Уна опять всплеснула руками и изумленно выпучила глаза. Слишком картинно, должно быть, но нужно во что бы то ни стало отвлечь на себя внимание мужчины.

— Вилли, не может быть! Это что, правда?

— Я... э...

Мальчик еще раз посмотрел на свою руку, все еще зажатую в кулаке мужчины, а затем на Уну... и от его смущения не осталось и следа.

— Простите меня, тётя Мэй! Вы же знаете, мама как запыет... Я уже три дня ничего не ел...

Уна внутренне поморщилась. Люди больше сочувствуют больным, чем пьяным... Но ладно, он ведь еще совсем мальчишка...

— Это не оправдание! Ты же знаешь, у меня всегда найдется тарелка супа для тебя! Немедленно отдай этому джентльмену часы и извинись перед ним!

Мужчина медленно разжал руку. На запястье мальчика остались ярко-красные полосы. Что-то во взгляде этого хитрого лисенка подсказало Уне, что он намерен сбежать, предоставив ей разгребать заваренную им кашу. Поэтому Уна тут же схватила его за воротник грязного пальтишка и хорошенько встряхнула.

— Отдай часы немедленно, ты что, оглох?

— Да, мэм...

Он все же бросил неуверенный взгляд на Уну, но в следующее мгновение отпустил цепочку часов. Те упали в ладонь обокраденного мужчины. Мальчик разочарованно проводил их взглядом, пока мужчина засовывал их обратно в карман пальто.

— А извиниться? — настаивала Уна.

— Простите меня, сэр! Это больше никогда не повторится!

— Вот и хорошо! — потрепала мальчишку Уна.

Продолжая крепко держать его за воротник пальто, она обернулась к обокраденному с извиняющейся улыбкой.

— Примите и мои глубочайшие извинения, сэр! Его мать — порядочная женщина! Она просто никак не может прийти в себя после смерти мужа. Я уверена, вы все понимаете, ведь у вас доброе сердце — это сразу видно. Не смеем больше задерживать вас, сэр!

С этими словами Уна еще раз встряхнула парнишку и прибавила:

— И уж будьте спокойны: перед ужином задам ему знатную трепку!

Выражение лица мужчины ничуть не смягчилось. Он тщательно отряхнул свое пальто, словно оно замаралось просто от того, что Уна и мальчишка стояли с ним рядом.

— Да уж, будьте любезны! — процедил он.

Уна поспешила поклониться и за шиворот вытащила мальчишку из зала ожидания. Как только они вышли на улицу, тот попытался вырваться, но Уна затащила его за стальную опору надземки.

— Ты чего добиваешься? — прошипела она. — На Ранда¹ не терпится?

— Вам-то какое дело?

Уна отпустила ворот его пальто.

— Никакого. Но из-за таких болванов, которые не думают головой и знай только ищут проблем на свою задницу, все становится подозрительнее, то и дело хватаются за часы и кошельки. Я уж не говорю про копов. А мне и остальным работать вдвое сложнее.

— Я бы и без вас справился. Вырвался бы и удрал.

— Да что ты? Этот тип вцепился в тебя как бульдог! Ты что думаешь — тебя пожалеют в Гробах², потому что ты еще маленький? Сожрут и не заметят! Не церемонятся они с такими, как мы с тобой!

Мальчишка просто пожал плечами. Вот упрямец!

¹ Ранда¹ — остров в черте города Нью-Йорка; находится в месте впадения реки Харлем в пролив Ист-Ривер. На этом острове долгое время находилась самая большая в Нью-Йорке колония для несовершеннолетних.

² Тюрьма в Нью-Йорке, построенная в стиле египетской гробницы.

— А родители твои знают, чем ты тут на вокзале промышляешь?

— Нет у меня никого!

— Тогда тебе дорога в благотворительную школу. Там будут хотя бы кормить. И научат читать и писать.

— Ага. А потом отправят на Запад, как всех сирот...

— И что? Это все-таки лучше, чем сгнить в тюрьме.

Он снова молча пожал плечами. Уна присела рядом с ним на корточки. Щеки мальчугана были грязными, одна даже слегка расцарапана. С носа капало.

— Ну, или хоть будь осторожнее! В надземке проще, — Уна дернула головой вверх, где прогрохотал поезд. — Там и копов меньше. И начинай с малого. Мелочь из карманов, или несколько монет у дамы из сумочки. Если украдешь все, не успеешь далеко убежать — хватятся. Когда мужчина идет по делам, он сразу же заметит, если пропали часы. Лучше дожидаться, пока он не рассядется где-нибудь, уткнув нос в газету или в стакан с джином.

Уна достала чистый носовой платок, поплевала на него и обтерла мальчишке щеки.

— И умывайся чаще, что ли! Лучший вор тот, кто вовсе на вора не похож!

Придав ему более-менее приличный вид, Уна засунула руку в карман и выудила оттуда десять центов.

— Вот, держи! Иди поешь. И подумай о благотворительной школе.

Не успела Уна протянуть монетку, как почувствовала его руку в кармане своего пальто.

— Правильно! Шарить по карманам легче, когда человек чем-то занят. Но только я не настолько глупа, чтобы держать там что-то ценное для таких, как ты.

Мальчишка смущенно улыбнулся и убрал руку.

— И надо делать все быстрее. А руку засовывай поосторожнее. Попробуй скорешиться с парнями, которые по кебам работают. Может, научат кое-чему.

— А у вас есть напарник?

— Нет. Не доверяю...

Краем глаза Уна заметила какую-то суету у входа в вокзал и резко обернулась. Она спряталась поглубже за выступом железной фермы и притянула к себе мальчишку. Тот самый мужчина, которого парнишка пытался обокрасть, что-то громко втолковывал двум полицейским. Уна нахмурилась. Когда они уходили, он злился, но вроде уже успокаивался. Уна снова обернулась к сопляку, прижала к стене и обшарила карманы и, конечно, обнаружила пропавшие золотые часы.

— Ах ты наглый засранец! Да ты подставил нас обоих!

Она оставила часы в кармане мальчишки — уж лучше пусть их найдут у него! — а десятицентовик забрала обратно.

— Я пойду на север по Четвертой, а ты — на восток по Сорок второй. Только не беги! Иначе они сразу бросятся за тобой. Еще раз увижу тебя на вокзале — сама сдам копам, понял?

Но не успела Уна договорить, как парнишка уже бросился наутек. И естественно, не по Сорок второй, а по Четвертой, то есть туда, куда хотела уйти она сама. Вот болван!

Уна повесила саквояж на руку и вышла из-за фермы. Мимо прошли две дамы в мехах. Уна пристроилась за ними. Шум за спиной усиливался. Какой-то окрик. Резкий свисток. Похоже, копы сразу увидели бегущего мальчишку и устремились за ним в погоню. Уна не оборачивалась. Она шла за дамами, едва не наступая им на пятки. Одна из них с подозрением покосилась на нее: Уна была одета вполне опрятно, но далеко не столь шикарно. Но издалека

трудно отличить соболя от кролика. И настоящий шелк от дешевой подделки. По крайней мере, копам, с их куриными мозгами. С расстояния примерно в двадцать шагов она выглядела так, словно вышла на прогулку с подружками. По крайней мере, очень на это надеялась. Правило номер пять: веди себя естественно. За спиной Уна услышала топот пары тяжелых сапог. Один. Идет быстро, но не бежит. Уна приблизилась к дамам в мехах вплотную.

— Нет, ну какая все-таки красивая муфта! — нарочито громко пропела она, подмигнув одной из них. — Это соболя, да?

— Э-э, да, — удивилась дама. — Отец привез из Европы.

— Из России, наверное, — продолжала Уна. — Говорят, лучшие соболя именно оттуда. И так подходит к вашей шляпке!

— Да-да, это ансамбль.

— У Стьюарта я видела очень милый ридикюль, тоже с соболям. Он прекрасно дополнил бы ваш ансамбль!

Уна знала точно, потому что только на прошлой неделе они сбыли именно такой в магазине Марм Блей. Принесший его вор сказал, что на Ледиз-Майл¹ такие идут по тридцать долларов. Вор получил семь, а ридикюль ушел за двенадцать, после того как Уна аккуратно спорола лейбл «Стьюарт и Ко.».

Тяжелая поступь сапог все ближе. Точно коп. Они наверняка разделились в поисках сбежавшего воришки. Или тот мужчина успел узнать ее и послал копов в погоню именно за ней?

¹ Ледиз Майл (дословно: «Дамская миля») — в Нью-Йорке участок Бродвея от Юнион-Сквер до Медисон-Сквер. Здесь в XIX веке находились крупнейшие магазины женской одежды.

Коп прошагал мимо, даже не взглянув на нее. Уна облегченно выдохнула и свернула на Вторую. Ее так и подмывало вернуться на вокзал и сделать последний заход. Но нет — слишком опасно! Глупый мальчишка! Еще немного, и она станет надеяться, что копы поймают его. Столько из-за него неприятностей! А ведь она была готова отдать ему целые десять центов, а?

Но не успела она пройти и квартал, как за спиной раздался голос.

— Вот она, воровка! Держи ее!

На сей раз Уна обернулась и, увидев несущегося к ней здорового полицейского, бросилась бежать что было сил.

Глава 2

Уна петляла между лотками с фруктами, газетными киосками и лавками мясников. Она давно спрыгнула с тротуара, а теперь перескочила через рельсы и перебежала на другую сторону улицы, едва не попав под копыта лошадей очередного экипажа. Но топот сапог все так же преследовал ее.

Уна споткнулась и чуть не подвернула ногу, но продолжала бежать. Зажав саквояж под мышкой, она продиралась сквозь толпу, отчаянно расталкивая прохожих локтями. Можно свернуть в одну из безлюдных боковых улочек, но это слишком рискованно — вдруг там тупик? Нужно сориентироваться. Позволив себе немного перевести дух, она закрыла глаза и представила себе сетку улиц с высоты птичьего полета. Прямо по Сороковой можно было бы добежать до Резервуарного парка. Кривые, заросшие кустами дорожки как нельзя лучше подходят для того, чтобы отделаться от хвоста. Но вряд ли она успеет добежать туда. Тяжелый топот полицейского приближался.

Ничего! Не скоростью, так хитростью! Уна замедлила бег — пусть думает, что она выдохлась. И снова перед ее внутренним взором район с высоты птичьего полета. От Мэдисон-авеню отходит один проулок, ведущий во внутренний дворик. За ним — выгребная яма и узкий проход на Тридцать восьмую. Времени мало, но выбора уже нет.

Коп тоже замедлил шаг. Придурок жирный! Ждет, поди, что она схватится за ближайший столб, чтобы не упасть. Что ж, ведь даже не очень туго затянутый корсет мешает дышать. Ну и пусть себе ждет!

Вот он — заветный проулок. Уна шмыгнула в него сквозь просвет в толпе. Прямо над ее головой развевалось на ветру белье, развешенное на веревках, протянутых из одного окна в другое. Уна заспешила дальше, к выгребной яме. В холодном воздухе стоял смрад гнили и нечистот. В углу два больших переполненных мусорных бака. Уна нырнула за них, прикрыв голову пальто, и затаилась среди обрывков газет, засохших объедков и грязного тряпья.

В следующую секунду во дворик ворвался коп. Он тут же выхватил носовой платок и прикрыл нос. Уна сдержала презрительный смешок. Разбаловались копы — у них же туалеты теперь прямо в здании. Тоже мне, неженка! Он осмотрелся по сторонам, приоткрыл двери кабинок уличного туалета дубинкой и метнулся к выходу в дальнем конце двора.

Как только его шаги стихли, Уна встала и тщательно отряхнула пальто. Через минуту, максимум две, коп вернется. Она быстро сняла шляпку и повязала на голову косынку, спрятанную под шелковой сорочкой. Грязный фартук, облезлые перчатки с открытыми пальцами и сажа, густо размазанная по щеке — и она почти неузнаваема. Она скинула с себя пальто и закинула саквояж за спину на потрепанном ремне, который носила с собой именно на такой случай. Теперь, если наклониться, обтянутый пальто саквояж выглядит как горб. Но перед тем, как снова надеть пальто, Уна вывернула его наизнанку. Новички в группе Марм Блей высмеивали Уну, когда она нашла на нежную сатиновую подкладку грубую латаную фланель грязно-серого цвета. Ведь ей пришлось заплатить Марм Блэй за пальто целых двадцать долларов — немало! Но Уну эти насмешки не трогали — в подобных ситуациях такая подкладка была просто бесценна. Уна в два счета превратилась из аккуратной леди-путешественницы в сторбленную старую нищенку.

Правило номер одиннадцать: иногда лучше прятаться на самом видном месте.

Как только Уна застегнула последнюю пуговицу пальто, полицейский снова ворвался во внутренний дворик. Уна сторбилась и спокойно стояла около мусорных баков, делая вид, что шарит в них.

— Здесь не пробежала молодая дама? — спросил коп Уну.

Та посмотрела прямо в его глубоко посаженные глаза. Он раскраснелся от долгого бега и шумно дышал. На морозном январском воздухе из его носа и рта вырывались клубы пара.

— Какая еще дама? — переспросила Уна с деланным немецким акцентом.

— Воровка!

Уна вернулась к мусорным бакам. Она подобрала заплесневелую горбушку, понюхала и бросила на землю.

— Да таких тут как грязи... Роста она какого?

— Не знаю. Думаю, среднего.

— Худая или толстая?

— Ни то и ни другое.

— А одета во что?

— Голубое пальто и бархатная шляпка.

То ли от холода, то ли от вони, то ли от несварения желудка — коп выглядел так, словно вот-вот взорвется от злости.

— А шляпка какая — с перьями и кружевами или попроще?

— Понятия не имею, — гневно выпалил коп.

В куче ореховой скорлупы и пустых консервных банок Уна откопала бутылку из-под джина. Она подняла бутылку и слегка встряхнула. Судя по звуку, там еще оставалась пара капель. Она протянула бутылку копу. Тот поморщился. Уна пожалала плечами, обтерла горлышко бутылки краем пальто и допила остатки сама.

— Так вы видели кого-нибудь похожего?

— Простите, но под это описание каждая вторая подходит. Так что даже не знаю...

Полицейский крякнул и зашагал прочь.

— Но могу сказать, что из-за этих мусорных баков буквально пару минут назад выбежала какая-то женщина.

— Да?

— Ага. Напугала до полусмерти!

— Так что же сразу не сказали?!

— Прехорошенькая. Глаза большие, темные. И маленькая родинка вот тут. — Она показала на свой нос. — Вы же про родинку не говорили...

Коп побагровел от злости. Казалось, он готов задушить Уну.

— Так куда она убежала?!

Уна указала в сторону проулка, ведущего на Тридцать восьмую.

— Выбежала вон туда. Кажется, направо побежала.

Коп умчался так, что только пятки сверкнули. Уна довольно хмыкнула. Доверчивые ослы. Она вытерла руки обрывком газеты и отправилась в противоположную сторону по проулку, оставив мусор и вонь позади.

Литературно-художественное издание / Өдөби-көркөм басылым

АМАНДА СКЕНАНДОР
АНГЕЛ С ЧЕРНЫМ КРЫЛОМ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Александр Александров
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахгий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспага кол койылды 04.10.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 27,44. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вв. пер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінін иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басыл шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылдың сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

R-56L-36079-01-R